

Вопрос о таинстве Евхаристии в православно-лютеранском диалоге:

Братиславский документ 2006 года и его рецепция

Данный текст является несколько измененной формой заключительной части магистерской работы Юрия Воробьева, которую он написал под научным руководством профессора Бортника С.М. и защитил в конце 2020-21 учебного года в Киевской Духовной академии УПЦ. В нем рассматривается суть «Братиславского документа», принятого в рамках всемирного православно-лютеранского диалога.

Впоследствии к нему были высказаны ряд замечаний со стороны богословских институций Русской Православной Церкви. В работе поясняется, что эти претензии не столько касаются сближения православных с лютеранами, сколько отображают внутриправославные дискуссии о сути православного понимания Евхаристии.

Анализ Братиславского документа

Помимо двустороннего общения представителей РПЦ с лютеранами Германии и Финляндии на местном уровне следует особо упомянуть о существовании официального богословского диалога на мировом уровне. На нем представлены, с одной стороны, поместные православные Церкви, а с другой стороны, Церкви, входящие во Всемирную лютеранскую федерацию. Решение о таком диалоге с православной стороны было принято на IV Всеправославном совещании в 1968 году. Первое заседание Смешанной православно-лютеранской богословской комиссии прошло в 1981 году в финском городе Эспоо.

Наиболее интересным для нашей темы стало 13-е заседание, прошедшее в ноябре 2006 года в Братиславе, Словакия. На нем был подписан совместный документ «Таинство Церкви: Святая Евхаристия в жизни Церкви». От Русской Православной Церкви на встрече с докладом «Преложение или пресуществление?» (на английском доклад звучал как «Metabole or Transsubstantiatio?») выступил профессор Алексей Осипов.

В этом докладе он жестко критиковал термин «пресуществление» как католический и такой, которым невозможно выразить полноту православного понимания тайны Евхаристии, которое уместнее выражать термином «преложение».

По его мнению, это «чисто рассудочная католическая идея пресуществления, сводящая Евхаристию к какому-то действию превращения одной материальной сущности в другую»¹. Справедливости ради стоит отметить и его критическое отношение в этом докладе к протестантской евхаристической доктрине.

Тут важно несколько абстрагироваться от богословских проблем внутри РПЦ, вышедших здесь на поверхность. После рассмотрения документа мы вернемся к обсуждению ряда критических замечаний, которые были выдвинуты рядом богословских институций РПЦ. Однако уже сейчас можно отметить, что многие из них сводились, прежде всего, к вопросу о значении термина «пресуществление» в православном понимании Евхаристии.

В первую очередь важно понять суть данного документа и его значение для православно-лютеранского диалога сегодня. Ведь это касается соборного принятия учения о Евхаристии представителями всех поместных православных Церквей, а не только Русской Церкви как одной из многих, хотя и самой крупной.

На этой конференции были выработаны и систематизированы положения, общие для православных и лютеран, а также положения, которые их разделяют. Мы полагаем справедливым считать этот документ определенным апогеем развития православно-лютеранского богословского диалога, а потому ему следует уделить особое внимание.

Сам документ занимает неполные четыре страницы распечатанного текста. Его английский вариант легкодоступен в сети интернет², а для удобства мы пользовались его неофициальным русским переводом, переданным нам профессором В. В. Бурегой.

В своей структуре документ имеет десять пунктов, из которых пункты 2, 4 и 6 имеют подпункты, в которых четко обозначаются такие фразы как «лютеране и православные верят», если высказывается общее положение или же «лютеране говорят» и «православные исповедуют», если высказываемые далее формулировки для обеих сторон имеют существенно различное значение.

В пункте 1 высказывается утверждение общего характера, что таинство Евхаристии признается обеими сторонами как «полнота участия христиан в жизни

¹ Осипов А. И. Μεταβολή или transsubstantiatio? // Доклад проф. А.И. Осипова на заседании Православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу «Тайна Церкви: Святая Евхаристия в жизни Церкви» (Братислава, 2–9. 11. 2006). М., 2006. С. 6.

² В частности он есть по адресу вебсайта Вселенского патриархата – как на <https://www.ecupatria.org/documents/xiii-session-of-the-international-joint-commission-of-the-theological-dialogue-between-the-orthodox-church-and-the-lutheran-world-federation-lwf/>

Христа и Его Церкви». Тут же, как определенная защита от чрезмерно рациональных интерпретаций, указывается, что «Евхаристия и участие в ней верующих остается тайной, недоступной человеческому пониманию».

Уже пункт 2 данного документа касается важнейшего вопроса понимания Евхаристии как жертвы. Общим для православных и лютеран признается здесь то, что Евхаристия является жертвой в том смысле, что приносящий и приносимый на ней – Христос, а не служащий священник; искупительная жертва Христа была принесена единожды, а для верующих обеих конфессий она является «жертвой благодарения и хвалы», как на это указывается еще в Новом Завете (ср. Евр. 13:15).

Далее следует пояснение, что для православных Евхаристия – это sacramентальное осуществление уникальной крестной жертвы Христовой; в ней хлеб и вино «соединяются с человечеством Христа посредством действия Святого Духа»; хлеб и вино «изменяются через союз с превознесенным и обоженным человечеством Христа через действие Святого Духа».

В подтверждение такого понимания приводятся слова Иоанна Дамаскина: «Если ты доискиваешься способа, как (именно) это делается, то тебе достаточно услышать, что – с помощью Святого Духа, подобно тому, как Господь при содействии Святого Духа составил Себе и в Себе плоть от святой Богородицы»³.

Не менее важным является пункт 4 Братиславского документа. Вначале тут утверждается общее: «Лютеране и православные понимают слова Господа “сие есть Тело Мое; сие есть Кровь Моя” буквально». Дары становятся Телом и Кровью Христа, а не символизируют или обозначают их (как в реформатской традиции), и тут же уточняется: «каким образом это происходит – это великая тайна».

Далее следуют два больших абзаца, которые посвящены особенностям соответственно лютеранского и православного понимания Евхаристии. Лютеране утверждают «реальное присутствие» Христа в Евхаристии, «sacramентальное единство» хлеба и Тела Христова, и даже «изменение (*mutatio*) хлеба и вина в Тело и Кровь Христа», которое, однако, нельзя понимать как уничтожение физического характера хлеба и вина в Евхаристии.

В ответ православная сторона утверждает здесь «преложение (*metabole*)» даров, которое являет единение с обоженным человечеством Христа, но не «пресуществление», т.е. изменение сущности. В подтверждение такой позиции вновь

³ В документе цитируется «Изложение православной веры, 4.13).

приводятся слова Иоанна Дамаскина: «Хлеб общения не простой хлеб, но соединенный с Божеством».

Важно, что обе стороны говорят о «христологическом соединении», имея в виду соединение в одном лице Христа двух природ – как это сформулировано в халкидонском догмате. Поэтому, несмотря на различие в положительном описании тайны Евхаристии – как «преложения» или же «реального присутствия», обе стороны сходятся в своем отрицании: «Хлеб и вино не утрачивают своей сущности ... Средневековое учение о пресуществлении отрицается равно православными и лютеранами»⁴.

Пункт 6 Братиславского документа также имеет большое значение. С лютеранской позиции указывается на «историческую критику вне-евхаристического использования евхаристических даров», в котором видится «опасность суеверия, фетишизма и злоупотребления приватными мессами». Особенно важной представляется здесь фраза о том, что цель евхаристических даров «лежит не в них самих, а в тех, кого они соединяют – в Боге и в верующем».

В продолжение этой темы православное понимание описывается и здесь «христологически». Это означает, что «земные дары подвергаются воздействию – “обожению” – во многом такому, какому человеческая природа Христа подверглась в результате единения с Божеством». Поэтому для православных «дары сакраментально изменяются в самих себе, и это изменение необратимо, как необратимо воплощение».

Здесь мы видим существенное различие в православном и лютеранском понимании изменения даров. Для лютеран важно прежде всего богослужение и связь верующего с Богом; дары Евхаристии – это важное, но все же лишь вспомогательное средство для такой связи. Православные подчеркивают изменение Даров в процессе Евхаристии, которое является необратимым.

Одновременно здесь важно подчеркнуть тенденцию сближения позиций обеих Церквей. Для православных важно, что «освященные хлеб и вино следует использовать только для целей, связанных с Евхаристией» – и это их сближает с опасениями лютеран по поводу упомянутых выше суеверий. Лютеране, в свою очередь, подчеркивают «собственно лютеранскую традицию благоговейного отношения к Евхаристии», распространяя ее и на обращение с евхаристическими дарами «после евхаристического богослужения».

⁴ Именно эта последняя фраза вызвала оживленные дискуссии внутри Русской Церкви.

Пункт 7 рассматриваемого документа носит примирительный характер, так как не касается аспектов исторических споров прошлого. Здесь подчеркивается «эсхатологическое измерение Евхаристии», когда «Христос становится настолько же близок к нам телесно, насколько Он был близок к Своим первым ученикам и ко всем Своим последователям в течение веков». Также здесь упоминается осуждение причащающихся недостойно, и таким образом опять подчеркивается реальность изменений евхаристических даров в отличие, скажем, от реформатского учения о Евхаристии.

В целом этот пункт не выделяет особо ни православную, ни лютеранскую позиции, и потому должен восприниматься как их общая позиция. Особенно вдохновляюще здесь звучат следующие слова: «В Евхаристии Царство становится сегодняшней реальностью, ибо приступая к причащению Тела и Крови Христа, верующие ощущают совершенный союз с прославленным Господом».

Пункт 8, продолжающий эсхатологическую тему, также не имеет особых спорных пунктов. Здесь подчеркивается, что Евхаристия является «спасительным благословением всему населенному миру (oikoumene)», что «понимается в терминах как естественной окружающей среды, так и человеческого сообщества». Вероятно, такое понимание противостоит нередко встречающемуся среди рядовых верующих пониманию Евхаристии как «средства индивидуального освящения».

Пункты 9 и 10 имеют скорее технический характер и невелики по объему.

Контекст внутри РПЦ: рецепция Братиславского документа и его критика

Позже это совещание вызвало бурные обсуждения и даже негодования со стороны богословов и официальных структур РПЦ. Однако подобного не произошло в других поместных православных Церквях. Так, по свидетельству Раде Кисича, многолетнего представителя Сербской Православной Церкви в православно-лютеранском диалоге, все остальные поместные православные Церкви лишь «приняли документ к сведению», не высказывая особых возражений⁵.

Поэтому здесь представляется уместным разобраться в причинах нередко негативного восприятия документа внутри Русской Церкви. Прежде всего, необходимо указать на официальное упоминание о восприятии Братиславского

⁵ Этот ответ был получен в личной переписке с сербским богословом.

документа в решениях Священного синода РПЦ. Так, в журнале №133 заседания Синода 26 декабря 2006 года, т.е. через полтора месяца после заседания православно-лютеранской комиссии в Братиславе, приводится следующая справка: «2-9 ноября 2006 года в Братиславе (Словакия) состоялось 13-е пленарное заседание Совместной православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу ... В ходе дискуссии обсуждались вопросы: характер изменения хлеба и вина во время совершения Евхаристии и Евхаристия как жертва ... Представители Церквей не имели возможности своевременно ознакомиться со списком православных участников, вследствие чего в итоговом коммюнике встречи появилось упоминание о так называемой Эстонской Апостольской Православной Церкви»⁶.

Еще более любопытны пункты постановления в этом журнале. В пункте 2 указывается: «Выразить озабоченность в связи с отсутствием надлежащей координации православного участия в диалоге, вследствие чего оказалось возможным упоминание в итоговом документе так называемой Эстонской Апостольской Православной Церкви, не признанной в качестве Поместной Церкви всей Православной Полнотой». А в пункте 4 добавляется следующее: «Доклад Совместной православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу на тему «Тайна Церкви: Святая Евхаристия в жизни Церкви» передать на изучение Синодальной Богословской комиссии». Это означает, что поводом для внутрицерковного изучения документа послужил церковно-политический вопрос участия ЭАПЦ в заседании комиссии, что отнюдь не является богословским аргументом.

Практически через год – 27 декабря 2007 года – состоялось другое заседание Священного синода РПЦ, и журнал №138 этого заседания гласил следующее: согласно рапорту митрополита Минского и Слуцкого Филарета, председателя Синодальной Богословской комиссии решили: «1. Заключение Синодальной Богословской комиссии по докладу Совместной православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу «Тайна Церкви: Святая Евхаристия в жизни Церкви», Братислава 2-9.11.2006 принять к сведению.

⁶ Ср. Журналы заседания Священного Синода Русской Православной Церкви от 26 декабря 2006 года, <http://www.patriarchia.ru/db/text/175655.html>. Обращение 11.02.2021.

2. Считать необходимым довести данное заключение до сведения членов православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу»⁷.

Это означает, что в течение года собирались мнения в различных богословских структурах РПЦ, которые потом и легли в основу решения Синодальной богословской комиссии. Какова же богословская составляющая этого решения?

Свои мнения с анализом этого документа прислали Издательский совет, Редколлегия издательства «Православной энциклопедии», Московская и Санкт-Петербургская духовные академии, Свято-Тихоновский университет.

Так, Издательский совет РПЦ отметил следующее: «В предыдущих лютеранско-православных диалогах православная сторона неоднократно заявляла о своей верности учению о пресуществлении, и только в 2006 году, судя по итоговому документу, эта позиция вдруг радикально изменилась»⁸.

Редколлегия издательства «Православной Энциклопедии» отметила ряд его внутренних противоречий. Православная сторона в этом документе принимает ряд несоответствующих ее учению положений: отрицание существенного изменения Даров, противопоставление «земных даров» с Телом и Кровью, учение о разных этапах преложения даров. Поэтому выводы редколлегии «Православной Энциклопедии» были таковыми: «Положения рассмотренного документа представляют собой попытку резко изменить позицию православной стороны диалога...»⁹.

В отзыве ПСТГУ также высказывается негативная оценка: «Отвержение учения о пресуществлении ... серьезно повреждает православную веру и, кроме того, компрометирует православную Церковь, которая, оказывается, могла долгие века исповедовать искажённое учение под западными влияниями»¹⁰.

⁷ Ср. Журналы заседания Священного Синода Русской Православной Церкви от 27 декабря 2007 года, <http://www.patriarchia.ru/db/text/343719.html>. Обращение 11.02.2021.

⁸ Отзыв Издательского Совета Русской Православной Церкви на Совместное заявление Православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу «Тайна Церкви: Святая Евхаристия в жизни Церкви» (Братислава, 2–9. 11. 2006). С. 4.

⁹ Отзыв Церковно-научного центра «Православная энциклопедия» на Совместное заявление Православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу «Тайна Церкви: Святая Евхаристия в жизни Церкви» (Братислава, 2–9. 11. 2006). С. 16-17.

¹⁰ Отзыв Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета на Совместное заявление Православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу «Тайна Церкви: Святая Евхаристия в жизни Церкви» (Братислава, 2–9. 11. 2006). С. 6.

Преподаватели из СПбДА, как и другие их коллеги, осудили итоговый Братиславский документ. Архимандрит Ианнуарий (Ивлиев) увидел в нем много логических ошибок и непродуманных утверждений¹¹. Иеромонахи Кирилл и Мефодий (Зинковские) написали: «Документ не может считаться отражающим общепринятое православное учение о Евхаристии. Учение, выдаваемое в документе за православное, несет на себе явный отпечаток лютеранского умозрения»¹².

В этом ряду выделяется отзыв комиссии Московской Академии, к которой, как известно, принадлежал и профессор Алексей Осипов, участвовавший в православно-лютеранской комиссии от имени РПЦ. Комиссия в целом была согласна с утверждением о чуждости термина «пресуществление»: «В течение полутора тысяч лет Церковь не знала учения о пресуществлении, а само это слово, как отмечает архимандрит Киприан (Керн), «неизвестное святым отцам», было «выдуманно», «чтобы понять, как происходит освящение Даров»¹³. Все же комиссия МДА увидела в документе значительные уступки православных и применение неоднозначной терминологии. В ее постановлении говорилось: «Православные участники совещания в догматическом плане сделали очень большой шаг навстречу лютеранским теологам. Несомненно, больше, чем их партнеры по диалогу...»¹⁴.

После получения вышеуказанных отзывов и после своего собственного расследования Синодальная богословская комиссия сформулировала свое заключение, которое и стало основанием для решения Синода РПЦ конца 2007 года. Этот документ также требует особого внимания.

В пункте 1 этого заключения говорится: «Для выражения своей веры в действительное тождество Евхаристических Даров и Тела и Крови Христовых — в то, что Дары суть само Тело и сама Кровь, — святые отцы использовали разные термины и разные аналогии. Наиболее известный из этих терминов — преложение, греч. μεταβολή».

Далее указывается: «В период полемики с протестантизмом Православной Церковью было соборно принято употребление термина «пресуществление». Это произошло на Иерусалимском Соборе 1672 года и Константинопольском Соборе 1691

¹¹ Ср. Отзыв Санкт-Петербургской Духовной Академии на Совместное заявление Православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу «Тайна Церкви: Святая Евхаристия в жизни Церкви» (Братислава, 2–9. 11. 2006). С. 2.

¹² Там же. С. 5.

¹³ Отзыв Московской Духовной Академии на Совместное заявление Православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу «Тайна Церкви: Святая Евхаристия в жизни Церкви» (Братислава, 2–9. 11. 2006). С. 3.

¹⁴ Там же. С. 18.

года ... С этого времени термин «пресуществление» становится обычным в православной евхаристологии, несмотря на то, что некоторые православные богословы воздерживались от его употребления»¹⁵.

Здесь важны обе составляющие: с одной стороны, это ссылка на авторитетные соборы XVII века, которые упоминались в Окружном послании Критского собора 2016 года. С другой стороны, обычай использовать этот термин лишь с XVII века отнюдь не говорит о его укорененности в предании Церкви. А указание на воздержание от его употребления «некоторыми богословами» еще более умаляет его значение.

Примечательно, что в своем объяснении Комиссия фактически уравнивает термины «преложение» и «пресуществление», что идет в разрез с мыслью Алексея Осипова, представлявшего РПЦ в православно-лютеранском собеседовании 2006 года. Так, в заключении Комиссии указывается: «В Евхаристии хлеб и вино прелагаются, пресуществляются в Тело и Кровь Христовы – то есть меняют свою сущность, перестают быть хлебом и вином, сохраняя все свои внешние признаки (συμβεβήκота). Тем самым, то, что хлеб и вино после преложения (пресуществления) меняют свою сущность (природу), не следует вульгарно понимать в смысле изменения их вещественных свойств»¹⁶.

Комиссия критикует различие Братиславского документа между «преложением» и «пресуществлением», полагая, что «Приведенное положение не соответствует православному, а имеет параллели в несторианском учении о Евхаристии»¹⁷. Также несколько ниже, не называя прямо «несторианским», Комиссия полагает, что «Нетрудно заметить здесь близкое сходство с процитированными выше рассуждениями Нестория».

В пункте 4 Заключения Комиссии говорится: «Вышеупомянутые и многие другие положения документа выражены весьма расплывчато и допускают взаимоисключающие толкования разными участниками диалога. Документ выдержан в духе конвергенции и компромисса, он создает иллюзию единства и согласия за счет игнорирования и замалчивания реальных различий».

¹⁵ Заключение Синодальной богословской комиссии по Совместному заявлению Православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу «Тайна Церкви: Святая Евхаристия в жизни Церкви» (Братислава, 2–9. 11. 2006).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 4.

Крайне интересна в этом смысле ссылка Заключения комиссии на предыдущие диалоги РПЦ с Евангелическо-Лютеранской Церковью Финляндии и цитирование при этом позиции епископа Михаила (Мудьюгина): «Попытки найти существенное различие между двумя учениями [католическим и православным] на базе применения терминов “пресуществление” (transsubstantiatio) на Западе и “претворение” или “преложение” на Востоке следует отнести на счет полемического задора, ибо никто еще никогда не мог указать, в чем именно состоит различие между этими словами. Раскрытие их содержания всегда доказывало их синонимичность»¹⁸.

В целом на защиту православности учения о «пресуществлении» Комиссия цитирует первое, второе и шестое собеседования РПЦ с Евангелической Церковью Германии. В конечном итоге, Комиссия приходит к выводу: «Изложение православной позиции, представленное в Совместном заявлении православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу «Тайна Церкви: Святая Евхаристия в жизни Церкви», по ряду важнейших вопросов богословия Евхаристии не соответствует традиционному учению Православной Церкви»¹⁹.

Таким образом, позиция Алексея Осипова в заключении Синодальной богословской комиссии критикуется за то, что в целом не является традиционной и не отражает позицию РПЦ в двусторонних диалогах 1960-1970-х годов, на которых эта самая позиция зачастую выражалась владыкой Михаилом Мудьюгиным. Тут важно отметить отсутствие радикальных формулировок: позиция Осипова и Братиславский документ не называются «ересью» или «еретическими»; они лишь «не являются традиционными».

Критикуя Братиславский документ за то, что его положения «выражены весьма расплывчато и допускают взаимоисключающие толкования», сама Комиссия в своем заключении достаточно сдержана, употребляя выражения «имеет параллели в несторианском учении» или же «не соответствует традиционному учению Православной Церкви». Важно и то, что Братиславский документ написан в широкой перспективе, в том числе с эсхатологическим пафосом. В то же время его критики внутри РПЦ сосредоточены на достаточно узком вопросе соотношения терминов «преложение» и «пресуществление».

¹⁸ Там же. С. 6. Здесь цитируется позиция владыки Михаила по сборнику «Богословские труды», 1971. Сб. 7. С. 229. Прим. 1. Так, примечание 35-летней давности становится во главу аргументации о защите позиции РПЦ в своих двусторонних диалогах в сравнении с диалогом на мировом уровне.

¹⁹ Там же. С 5-6.

Межконфессиональный диалог или внутривославный спор?

В предыдущем разделе мы увидели активную критику Братиславского документа различными богословскими институтами РПЦ, сдержанную поддержку документа, а вместе с ним и позиции Алексея Осипова со стороны Московской академии и в конечном итоге взвешенное заключение Синодальной богословской комиссии, которая не решается радикально критиковать православную позицию в диалоге с лютеранами.

Это подталкивает нас к поиску внутривославных причин для такой острой критики. При некоторых усилиях по поиску оказывается, что проблема понимания сути таинства Евхаристии стала предметом полемики внутри самой Русской Церкви. В частности, за полгода до Братиславской встречи в Московской духовной академии состоялся семинар на тему «Святые Дары в Таинстве Евхаристии»²⁰.

Уже в тексте самой этой новости есть важные замечания. В частности, тут отмечается: «Главной темой обсуждения стал вопрос интерпретации термина «пресуществление» в контексте святоотеческого богословия. В докладах и в последовавшей за ними дискуссии были обозначены две во многом отличающиеся богословские позиции по вопросу о характере присутствия Христа в Святых Дарах».

Одна из двух упомянутых позиций защищалась протоиереем Валентином Асмусом: он «на основании представленных им святоотеческих и церковно-исторических свидетельств изложил традиционный для русской академической богословской науки XIX века взгляд на таинство Евхаристии как таинство существенного изменения хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы».

Вторая позиция отстаивалась Алексеем Зайцевым и защищалась Алексеем Осиповым: «А.А. Зайцев в свою очередь, отстаивал взгляд на то, что таинство преложения Даров никоим образом не может описываться в терминах изменения сущности, поскольку, будучи принято, оно с необходимостью приводит к принятию неприемлемого для православной традиции, магического по своей сути учения об изменениях «физических субстанций в рамках тварного мира».

Дальнейшие поиски сути концептуальных различий вывели нас на текст протоиерея Вадима Леонова «О православном понимании таинства Евхаристии»²¹. В

²⁰ Новость о нем так и называется – «В МДА состоялся семинар на тему «Святые Дары в Таинстве Евхаристии». Электронный ресурс - <http://pravoslavie.ru/16366.html>, дата обращения – 11.02.2021.

²¹ Его можно найти на ряде электронных ресурсов консервативного направления. В частности, ср. журнал «Благодатный огонь», <http://www.blagogon.ru/biblio/540/>

своем достаточно авторитетном анализе он со ссылками на множество источников указывал: «Термин “пресуществление” (греч. — μετασώσις, лат. — transsubstantiatio) всегда соответствовал святоотеческой терминологии. Его использовали свт. Геннадий Константинопольский, свт. Петр (Могила), свт. Димитрий Ростовский, свт. Тихон Задонский, преп. Никодим Святогорец, свт. Филарет Московский, свт. Иннокентий Херсонский, свт. Игнатий (Брянчанинов), свт. Феофан Затворник, преподобные оптинские старцы, св. Иоанн Кронштадтский, свт. Лука (Войно-Ясенецкий), свт. Николай (Велемирович), преп. Иустин (Попович) и многие другие святые Православной Церкви».

В своей статье «Евхаристическое преложение» Зайцев отстаивал противоположную точку зрения. Для своей поддержки он ссылался на более ранних авторов. В частности, он цитировал Иринея Лионского, подчеркивая, что тайна Евхаристии заключена именно в причастности земного хлеба Божеству, в их нераздельном единстве: «Хлеб от земли, после призвания над ним Бога, не есть уже обыкновенный хлеб, но Евхаристия, состоящая из двух вещей – из земного и небесного»²².

Также Зайцев приводит слова св. Иоанна Златоуста, прямо указывавшего на двуприродность евхаристического Хлеба, тождественную двуприродности Самого Христа. «Как хлеб, прежде, нежели освятится, мы называем хлебом; когда же Божественная благодать освятит его чрез посредство священника, то он уже не называется хлебом, но достойно называется Телом Господним, хотя естество хлеба в нем остается»²³.

Активная фаза полемики началась в середине 2000х годов и не затихла до сего дня. В частности, тут можно вспомнить статьи «Евхаристический докетизм. Рецензия на статью Алексея Зайцева “Евхаристическое преложение”»²⁴ или же статью Чайки и Бекмана «Современная полемика о Евхаристии в РПЦ», опубликованную в 2018 году²⁵.

Не стремясь однозначно встать на одну из сторон, нам хотелось бы предложить взвешенное мнение по вопросу Евхаристии, выраженную в результате

²² Эта статья в частности размещена на электронном ресурсе http://www.na-gore.ru/articles/zaitsev_evh.htm.

²³ Здесь цитируется Письмо Иоанна Златоуста к Кесарию монаху. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского в русском переводе в 12-и томах. СПб, 1898-1904. Т. 3. С. 815.

²⁴ Текст этой полемической статьи находится по адресу <http://www.pravoslavie.ru/1876.html>. Электронный ресурс, дата 12.02.2021.

²⁵ Электронный ресурс <https://slovo-bogoslova.ru/theology/sovremennaya-polemika-o-evkharistii-v-r/> Дата обращения - 12.02.2021.

упоминавшейся дискуссии в Московской академии. Она привела к осознанию «наличия двух различающихся концептуальных богословских позиций в описании Таинства Евхаристии. При этом было отмечено полное единодушие на уровне исповедания веры в то, что в Таинстве Евхаристии верующим преподается Самое истинное Тело Христово и Самая истинная кровь Христова»²⁶.

Выводы

В этом экскурсе мы уделили особое внимание Братиславскому документу 2006 года, ставшему апогеем богословского диалога между православными и лютеранами. Здесь делается особый акцент на различении терминов «пресуществления» и «преложения». Дважды как аргумент в пользу сохранения сущности хлеба и вина в Евхаристии цитируется тут авторитетный систематизатор православного вероучения Иоанн Дамаскин.

Для православной стороны, опять-таки, важен термин «преложение (metabole)» даров, который являет единение приносимых даров хлеба и вина с обоженным человечеством Христа. Фактически он противопоставляется термину «пресуществление», который нередко воспринимается как «магическое изменение сущности» при том, что наши чувства продолжают его воспринимать как хлеб и вино.

Пункты 7 и 8 Братиславского документа описывают «эсхатологическое измерение Евхаристии», благодаря которому внимание сосредотачивается не столько на воспринимаемых дарах Евхаристии как веществе, сколько на принимающем эти дары, т.е. христианине.

Далее мы описали реакцию различных структур РПЦ на Братиславский документ. В частности, ряд институций прислал достаточно негативные отзывы, особенно сосредотачивая свое внимание на уместности термина «пресуществление». В этом ряду критиков особое место занимает позиция представителей Московской Академии, которые четко признают: «В течение полутора тысяч лет Церковь не знала учения о пресуществлении».

Важна также позиция Синодальной богословской комиссии, которая напомнила о том, что термин «пресуществление» вводится в активный оборот православными богословами и соборами в XVII веке в качестве защиты

²⁶ Электронный ресурс - <http://pravoslavie.ru/16366.html>, дата обращения – 11.02.2021.

православного вероучения против реформатских влияний, пришедших с патриархом Кириллом Лукарисом.

Важным для осознания места споров о термине «пресуществление» является последний раздел этого экскурса. В нем раскрывается тот факт, что споры о сути Евхаристии велись среди богословов РПЦ еще до Братиславской встречи, искавшей сближения позиций между православными и лютеранами, а значит, имеют внутриправославное происхождение.